

# Заключение:

## Запахи модерна и чувствующие субъекты

На протяжении данного исследования я пыталась понять, как в России второй половины XIX века менялась социальная конфигурация чувствительности и благодаря каким факторам чувство обоняния оказалось выдвинуто в социальное пространство, а различные запахи стали интерпретироваться как те или иные социальные факты. Структура исследования была задана такими понятиями, как *медикализация* — конструирование и истолкование явлений повседневной жизни в медицинском ключе — и *общественное здоровье*, которое в России возникло как предмет публичной дискуссии благодаря сложным общественным процессам 1850–1870-х годов.

Оформление конфигурации чувствительности, в рамках которой существенная роль была отведена обонянию, было тесно связано, с одной стороны, с интенсивной вестернизацией российского общества и, с другой стороны, с процессом усвоения российскими элитами, учеными и врачами специфической научной теории, устанавливающей непосредственную связь между запахом и болезнью, а также запахом и лечением. Импорт европейских представлений об этикете и правилах коммуникации задавал новый взгляд на себя со стороны; импорт миазматической теории патогенеза способствовал новому осмыслению запахов собственного тела и запахов окружающей среды обитания. Естественные науки, с одной стороны, и культура поведения — с другой, способствовали усвоению ольфакторного беспокойства в аристократических кругах: пропуском в светское общество и одновременно гарантией личного здоровья оказывалось умение контролировать свои телесные эманации. В екатерининское время это сознательное отношение к запахам было поддержано эстетикой сентиментализма.

Следующий значимый шаг к реконфигурации чувствительности был сделан во второй половине XIX века, когда благодаря урбанизации и Великим реформам в Российской империи началось

формирование общества на новых, несловных, основаниях. Для поддержания нормального, бесконфликтного существования такому обществу, и прежде всего растущему «среднему классу», была необходима унификация стандартов поведения и правил коммуникации (что объясняет всплеск популярности массовой рекомендательной литературы в позднеимперский период). Тогда нормы и конвенции дворянского телесного поведения, приведенные в соответствие с научными гигиеническими стандартами, начали распространяться на остальные социальные слои.

Нисходящая мобильность гигиенических и ольфакторных норм была обусловлена, во-первых, понятием «хорошего тона», который побуждал представителей нижестоящих социальных групп подражать более престижной норме, но главной движущей силой для распространения более высоких стандартов, принятых у верхов, стали эпидемии и медикализация повседневной жизни. Представители социально активных групп — врачи и общественные деятели — формулировали понятие «общественного здоровья» («народного здравия») в публичных дискуссиях на площадках, которые предоставляла пресса, ориентированная на разные социальные слои. С помощью этого понятия объяснялась необходимость транслировать массам гигиенические и ольфакторные нормы воображаемых и идеализированных европейских элит: в условиях индустриализации и урбанизации максимальное распространение высоких стандартов оказывалось единственным залогом здоровой жизни для общества в целом. При этом вместе с гигиеническими нормами вниз распространялись и новые представления о телесных границах, об индивидуальном пространстве и приватности, которые наряду с эгоистическими мотивировками задействовали мотивировки альтруистические. Таким образом, само понятие «общественного здоровья» подразумевало укрепление личных границ и рефлексию над восприятием тела.

Страх перед эпидемиями позволял врачам претендовать на экспертные функции, обосновывая право на вмешательство и контроль над повседневной жизнью, и создавал возможности для широкой санитарно-гигиенической пропаганды. Медицинская публицистика пыталась доводить основные положения миазматической теории, которая сохраняла позиции основной объяснительной модели патогенеза вплоть до конца XIX века, до разных слоев общества. Для этого врачи использовали все возможности, предоставляемые чтением: помимо специализированных медицинских

изданий материалы по санитарии и гигиене печатались в ежедневных газетах разных политических взглядов и направлений, тонких и толстых журналах; извлечения и оттиски отдельных статей и очерков выходили в брошюрах и адаптировались для народного чтения. Увеличение читательской аудитории и рост книгоиздания во второй половине XIX века поддерживали новую для России публичную сферу, а постоянное участие в дискуссиях врачей, журналистов и общественных деятелей, озабоченных «народным здравием», превращало специализированные вопросы санитарии и гигиены в общезначимые.

Уверенность российских врачей в приоритете европейской медицины и санитарии соответствующим образом перекодировала понятия и топоры, задействованные в санитарно-гигиеническом дискурсе. Риторическое соотнесение европейских достижений и нововведений с очищением и прогрессом, а загрязненности и отсталости — с «азиатчиной» побуждало публику к предпочтению престижной европейской модели, а проблемы санитарного обеспечения российских городов превращало в вопрос выбора цивилизационного пути. Кроме того, пресса, публикуя санитарные отчеты врачей и приглашая читателей присылать жалобы на дурные запахи и плачевное состояние частных домов и дворов, куда эксперту было не так легко проникнуть, не только обеспечивала публику площадкой для санитарных lamentаций, но и способствовала снижению ольфакторной терпимости и воспитанию навыков самоконтроля и наблюдения.

Социальное измерение эпидемий и хронических болезней позволяло санитарно-гигиенической пропаганде охватывать те сферы, которые изначально находились вне врачебной компетенции. Характерное для европейской медицины восприятие запаха как симптома и улики постепенно проникало в научно-популярные, а затем и в массовые издания, посвященные домашнему хозяйству, — поваренные книги, руководства по домоводству, сборники советов, которые в той или иной форме транслировали медицинский взгляд на повседневность самому широкому кругу читателей (чиновникам, военным, разночинцам, образованным купцам и мещанам). Именно в этих изданиях читающая публика могла почерпнуть навыки органолептического анализа, основанного на восприятии и критическом осмыслении данных, предоставляемых чувствами, и научиться не только фокусировать свое внимание на сенсорных характеристиках вещей и предметов, но и по-новому

называть их, устанавливая соответствие между оттенками ощущений и научными терминами. Постепенно представители медицинского и научного сообществ — врачи, химики, биологи — начали говорить с этой аудиторией без посредников, сочиняя или составляя популярные издания по гигиене «предметов вседневной жизни».

Другим инструментом, воздействовавшим на конфигурацию чувств, стали гигиенические выставки, в которых Российская империя участвовала за границей и которые проводила у себя дома. В эпоху огромного влияния санитарно-гигиенической пропаганды каждая из выставок служила своеобразной ревизией санитарного состояния империи, привлекая внимание к идеализированным европейским нормам и их бесчисленным локальным нарушениям. На выставках воспитанию чувствительности способствовала визуализация: зараза, болезни, чистота и грязь, облеченные в форму цифр, микрофотографий и выставочных образцов, побуждали массового зрителя по-новому увидеть среду обитания — от комнаты до улицы — и, взглянув на «чистые разводки» бактерий и паразитов сквозь увеличительное стекло, по-новому отнестись к санитарно-гигиеническим императивам.

С формированием новой чувствительности и социальной динамикой гигиенических и ольфакторных норм были связаны изменения в оценке ряда запахов и ароматов. Снижение терпимости к запахам и создание очищенной городской среды подразумевало не только уничтожение миазмов и функциональное разделение запахов в публичном пространстве, но и осуждение «громких» запахов в приватной сфере. Ароматы частной жизни подверглись качественному и количественному нормированию: вдобавок к обязательному подавлению телесных эманаций сократился и спектр парфюмов, разрешенных хорошим тоном в повседневной коммуникации. Запахи, поколение назад считавшиеся допустимыми в среде образованных городских жителей, выпадали за пределы социальной нормы, оказываясь признаком малообразованной публики, которая еще не освоила правила «хорошего тона». Избыточный аромат говорил или о недостаточной гигиене низов, или о недостаточной образованности парвеню, или о недостаточной нравственности кокоток. Дистанция, в пределах которой могли ощущаться духи, становилась все меньше — сфера приватного отделялась от сферы публичного, в том числе и в ольфакторном аспекте.

При изучении приватности и публичной сферы в поздней имперской России обычно речь идет о таких факторах, как становление протобуржуазии, урбанизация и трудовая миграция, выделение досуга и изменение сферы потребления. Обращение к санитарно-гигиеническому аспекту повседневной жизни второй половины XIX века позволяет добавить к этим факторам влияние естественных наук и публичной гигиены. В эту эпоху санитарно-гигиеническая пропаганда, отталкиваясь от представлений о здоровых и нездоровых запахах, о заразе и миазмах, способствовала реконфигурации чувств и основывала «заботу о себе» на ольфакторной бдительности, а понятие «порядочности» — на ольфакторной деликатности. Нормы и стандарты телесного присутствия, восходящие к рефлексам миазматической теории, в последние десятилетия XIX века влияли на организацию публичного пространства и частного жилища, определяли массовые гигиенические практики и служили проводниками приватных ценностей в сфере социального взаимодействия.

Модернизация не сводима к одному триумфу зрения над всеми остальными чувствами. Напротив, процесс модернизации способствовал перестройке и переосмыслению всей чувственной конфигурации. В течение всего XIX века и особенно во второй его половине специализированное медицинское знание о запахах превращалось в знание повседневное, научные понятия переходили в сферу эстетики, а запахи, служившие медицинскими симптомами, расшифровывались и интерпретировались как симптомы социальные, способные указать на дефекты социального порядка или подтвердить социальную иерархию. В период санитарно-бактериологического синтеза обоняние вступало в альянсы со зрением, вооруженным специальными знаниями и аппаратурой: нетерпимое для носа требовалось исследовать с помощью пробирки и микроскопа. В повседневной сфере обоняние и вкус взаимно усиливали друг друга, когда речь шла о проверке съестных припасов и создании нового, гигиенически безукоризненного быта. В сфере социальных отношений обоняние обуславливало дистанцию взаимодействия и участвовало в культурном конструировании или воссоздании границ между социальными группами.